

Прихваченная морозом шпинатная зелень на вкус особенно сладкая.

Цянь Вэй хотела купить немного с собой.

— Я серьезно, пищевая ценность высокая, вкус отличный, и не надо переживать, что поправишься. Малыш Циншань, назови цену.

Шань Циншань, сжимая палочки, промолчал.

Цянь Вэй добавила:

— Деньги — это не...

Чжоу Чун перебил её:

— Не шуми, он размышляет.

Шань Циншань спросил:

— Ты правда считаешь, что это хорошо?

— Конечно!

Цянь Вэй не стала говорить вслух: при твоей бедноте, когда в доме только голые стены, ты точно не пользуешься пестицидами для овощей.

Это же еще лучше!

Шань Циншань произнес:

— А можно ли продавать сельхозпродукцию из нашей деревни через интернет?

Чжоу Чун одобрительно кивнул:

— Отличная мысль!

Цянь Вэй подхватила:

— В сети полно товаров от крупных поставщиков и фабрик, а вот продажи напрямую от

фермеров встречаются редко. Это можно назвать новой рыночной нишей.

Шань Циншань уточнил:

— Но я не хочу, чтобы это был лишь кратковременный эффект от наплыва трафика.

Звезды здесь — люди покупают, звезды уйдут — и всё закончится.

— К тому же нужны каналы сбыта, логистика, товарный вид, контроль качества, да и продуктов в деревне не так уж много.

Цянь Вэй отрезала:

— Сколько есть, столько и продадим.

Чжоу Чун добавил:

— Почему ты беспокоишься, раз здесь съемочная группа? Семь стримов, сотни миллионов просмотров — это бесплатная реклама. Как только компании услышат о твоей идее, они наперегонки побегут к продюсерам. Для них это и бесплатный пиар, и создание положительного имиджа. У государства есть субсидии и льготы для поддержки фермерства, для компаний это выгодно. Просто жди, пока они сами придут на порог.

Чжоу Чун продолжил:

— А что касается нехватки продукции, местное правительство что-нибудь придумает. Скорее всего, привлекут соседние деревни, чтобы поднять экономику всего района.

Шань Циншань и Цянь Вэй удивленно посмотрели на Чжоу Чуна.

Звучит очень профессионально.

Чжоу Чун приподнял бровь и сказал Шань Циншаню:

— Малыш Циншань, моя семья владеет компанией, если ты забыл.

Цянь Вэй заметила:

— Провела в деревне два дня и совсем забыла, что ты представитель «золотой молодежи».

Чжоу Чун подался ближе к Шань Циншаню, поддразнивая его:

— Если это дело выгорит, твой дом может перестать быть просто домом. Его превратят в туристический объект, вокруг кровати, на которой мы спали, натянут ограничительную ленту, будут водить людей, чтобы они посмотрели и поклонились.

Шань Циншань:

— ...

Картина сложилась в голове.

— Это же заслуга, малыш Циншань! Ты сможешь баллотироваться в президенты США или премьеры Японии, превратишь их страны в филиалы нашей деревни, помешаешь Америке разжигать войны, а Японии — сбрасывать радиоактивную воду. Люди будут жить в мире и достатке, океан снова станет чистым, а Статую Свободы придется заменить на позолоченную статую моего малыша Циншаня.

Чем дальше, тем абсурднее.

Цянь Вэй расхохоталась так, что чуть не зашлась в крике, держась за живот, и сказала, что на выборах обязательно отдаст голос за братишку Циншаня.

Шань Циншань покраснел до корней волос и отобрал у Чжоу Чуна миску.

— Больше не ешь!

[В этом абсурде есть доля рациональности]

[Малыш Циншань такой позитивный! Сам увидел возможность и думает обо всей деревне! Хороший мальчик, просто умничка!]

[Фанаты поддерживают: не стать президентом США — не страшно, премьером Японии — тоже. Главное, что мы хотим сфотографироваться у их кровати]

[@Zhongtong @Yunda @Shunfeng @Yuantong @Shentong @Dan-niao, наш молодой господин Чжоу обращается к вам]

[Все отмечаем компании, поддерживаем каждую безумную мечту и ждем того дня, когда Статую Свободы заменят статуей малыша Циншаня]

...

Чжоу Чун дразниться любил, а вот разгребать последствия — нет.

В прошлой жизни, когда они были вместе, он тоже обожал его донимать: доводил до белого каления, а потом обнимал и целовал, задабривая.

Довольно подло.

Но ему это нравилось.

Он хотел, чтобы на лице малыша Циншаня было больше эмоций, чем просто спокойствие.

Сейчас, бегая за ним и пытаясь задобрить, он испытывал те же чувства, что и в прошлой жизни, уголки губ сами ползли к ушам.

Ложась спать вечером, он едва не обнял его по привычке.

Во сне он увидел прошлую жизнь: как разозлил малыша Циншаня и долго вымаливал прощение.

В конце концов, прижал его к себе, клянясь, что больше не будет безобразничать на кухне и не станет поить его алкоголем, болтая всякие постыдные вещи. Спрашивал, понравится ли ему, если он будет угождать ему так, как он любит? Сможет ли он остыть?

А потом на следующий раз снова повторял всё то же самое.

Чем больше он думал, тем слаще становилось на душе.

На следующее утро Шань Циншань холодно посмотрел на него:

— Что тебе снилось вчера ночью?

Чжоу Чун вздрогнул. Неужели он от избытка чувств выболтал всё, что видел во сне? Неужели малыш Циншань слушал «живой эротический спектакль»?

У Шань Циншаня под глазами залегли тени.

— Ты всё время во сне посмеивался.

Чжоу Чун почувствовал одновременно облегчение, жалость к нему и радость.

Хорошо, просто хорошо.

Ничего такого, что заставило бы его сбежать посреди ночи, он не сказал.

Хотя, со стороны это наверняка выглядело довольно пошло.

Когда же малыш Циншань проявит к нему хоть немного страсти?

После завтрака они отправились к съемочной группе. Поскольку Шань Циншань и Чжоу Чун вчера выполнили больше всех заданий, они получили приоритетное право выбора участка.

Следующей была Цянь Вэй.

Оставшиеся трое, не выполнившие задания, решали спор с помощью старого доброго «камень-ножницы-бумага».

После выбора участков режиссер привел их к самой большой выгребной яме в деревне.

Режиссер:

— Почти весь навоз в деревне берется отсюда.

Запах был настолько резким, что даже мужчины-участники едва держались, не говоря уже о девушках.

Зрители в трансляции, даже через экран и интернет-кабель, могли почувствовать убойную силу этой ямы.

Режиссер:

— Нужно удобрить все посевы рапса, чтобы обеспечить урожай на будущий год.

Инструменты раздали участники съемочной группы.

Пань Инчжэ, проходя мимо Чжоу Чуна с ковшом для навоза, внезапно услышал:

— Еще раз посмеешь ляпнуть что-то про малыша Циншаня — я тебя пришибу.

Пань Инчжэ вздрогнул и поспешно убежал с ковшом.

Поле Чжоу Чуна и Шань Циншаня было небольшим.

Шань Циншань привык к такой работе, поэтому действовал очень быстро.

Закончив, он пошел помогать Цянь Вэй.

Цянь Вэй так надышалась навозными испарениями, что не могла открыть глаза и постоянно рвотно позывала. Увидев Шань Циншаня, она, продолжая давиться, поблагодарила его, и вскоре работа была закончена.

Цянь Вэй от запаха разболелась голова:

— Я больше не могу, пойду приму душ. Не хотите помыться у меня? Там удобнее, чем у вас.

Чжоу Чун сказал:

— Хорошо. Мы сходим за одеждой и придем.

Цянь Вэй:

— Тогда я пойду мыться первой, мне кажется, я сейчас обед... уэ-э-э!

Шань Циншань и Чжоу Чун пошли обратно. Проходя мимо поля Фан Жуна, Шань Циншань остановился и направился к нему с инструментами.

— Дядя Фан.

Фан Жун остановился.

— Вы делаете это неправильно.

Фан Жун нахмурился.

Разве можно делать что-то неправильно, удобряя поле?

— Нужно класть меньше, иначе всё может сгореть, — Шань Циншань продемонстрировал, как нужно делать, а затем посмотрел на дорогу. Там стояла пожилая женщина и с тревогой

смотрела на них. — Для вас это просто задание, а для этой бабушки — то, чем она будет жить в следующем году.

Фан Жун замер, заметив старушку.

Она не подходила ближе, но в глазах ее читалось беспокойство.

Поля, на которых работали участники, были арендованы съемочной группой.

Собрали урожай — хорошо, продали — отлично.

Но то, что растет в земле — другое дело. Если всё погибнет, придется сажать заново.

Фан Жун крепче сжал инструмент:

— Пойду скажу остальным, пусть тоже будут осторожнее.

— Хорошо.

Шань Циншань и Чжоу Чун вернулись за сменной одеждой и отправились к Цянь Вэй.

Мыться вместе было нельзя.

Чжоу Чун был не уверен в своей выдержке.

Если у него всё «встанет», он точно до смерти напугает малыша Циншаня.

Но это не мешало Чжоу Чуну флиртовать.

Пользуясь тем, что прямой эфир сейчас не велся, он спросил:

— Малыш Циншань, у тебя есть кубики пресса?

— Есть.

— Сколько?

— Два.

Он не качался специально, наработал физическим трудом.

— У меня восемь, а еще грудные мышцы, дорожка Адониса. Хочешь посмотреть?

Малыш Циншань сейчас не проявлял страсти, наверное, потому что еще не начал.

В конце концов, он все еще натурал.

Но как только он начнет, как только увидит его тело...

Даже если не говорить о потере девственности, он хотя бы соблазнится его телом, верно?

Если человек не любит плотских утех, то что он вообще любит?

Английский «How are you»?

Чжоу Чун приподнял свою одежду.

Давай!

Смотри!

Не сдерживайся!

Возжелай меня!

Он не должен видеть эти эротические сны в одиночку!

Шань Циншань бросил взгляд, а затем посмотрел на него как на дурака:

— Тебе не холодно?

— ...Холодно.

— Я пойду помоюсь первым.

Шань Циншань безэмоционально ушел.

— ...

Чжоу Чун почувствовал, как подул ветер, стало очень тоскливо.

Он опустил голову и приподнял одежду, посмотрел на себя.

Он что, потерял свою привлекательность? Или Циншань слишком «прямолинейный»?

Раньше малышу Циншаню очень нравилось касаться, он умел касаться, касался так, что Чжоу Чуну было невероятно приятно.

Чжоу Чун, глядя себя по прессу, предавался печали.

Как раз в этот момент Шань Циншань, забыв что-то, вернулся.

Их взгляды встретились.

Повисла неловкая пауза.

Шань Циншань по-дружески напомнил:

— Видно, что они тебе очень нравятся, но если простудишься, будет диарея.

Чжоу Чун молча опустил одежду.

Шань Циншань добавил:

— Если тебе так нравится, можешь дать имя каждой мышце.

— ...Я не идиот.

Шань Циншань молча смотрел на него, не говоря ни слова.

Иногда тишина красноречивее слов.

Чжоу Чун усмехнулся.

Ради кого он старается?

Не ради того ли, чтобы соблазнить его?

Соблазнить не удалось, так еще и высмеяли.

Так и хотелось поцеловать его, чтобы выпустить пар.

Шань Циншань вышел после душа.

Чжоу Чун зорко заметил у него на шее кусочек красной веревочки.

— Что это у тебя на шее?

<http://bllate.org/book/21913/2276496>